

Синило Галина Вениаминовна

Рецепция Книги Экклесиаста в еврейской культуре эпохи Второго Храма

В статье исследуется рецепция Книги Экклесиаста в еврейской культуре эпохи Второго Храма. Показано, как в Премудрости Йешуа Бен-Сиры (Иисуса сына Сирахова) и Премудрости Соломона (девятероканонических книгах для христианской традиции) продолжают традиции «литературы премудрости». Их авторы, опираясь на Притчи Соломоновы и Экклесиаста, именно у последнего учатся ставить сложные антиномичные проблемы бытия и сознания. При этом неизвестный автор Премудрости Соломона также спорит с тотальным скепсисом Экклесиаста. К мотивам Экклесиаста обращаются и кумранские авторы (особенно в Свитке Хвалений), парадоксально утверждая слитность для человека скорби, страданий и радости, связанной с надеждой на мессианское преображение мира. Утверждается, что для всех названных текстов важнейшим интертекстом, а для Книги Бен-Сиры – архетекстом, смысло- и текстопорождающим текстом, является Книга Экклесиаста.

Ключевые слова: Библия, Книга Экклесиаста, «литература премудрости», Книга Премудрости Йешуа Бен-Сиры (Премудрость Иисуса сына Сирахова), Книга Премудрости Соломона, кумранские тексты, интертекст, архетекст.

Книга Экклесиаста, поднимающая роковые, антиномичные проблемы бытия и сознания, утверждающая брэнность и абсурдность бытия и вопреки им – необходимость

Синило Галина Вениаминовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций БГУ (sinilo@mail.ru)

поисков смысла жизни и веры в Бога как духовной опоры человека, становится объектом религиозно-философской и художественной рефлексии еще в рамках библейского мира, в еврейской культуре конца эпохи Второго Храма. Это подтверждает прежде всего парабиблейская Книга Премудрости Йешуа Бен-Сира (Иисуса сына Сирахова), не включенная в канон Танаха, но получившая статус второканонической книги в Христианской Библии. В свое время Мартин Лютер утверждал, что Книга Сираха (так сокращенно именуют его европейцы) «полезна для народа, так как цель ее – сделать гражданина или домохозяина богобоязненным, благочестивым и мудрым». Об этой книге будет беседовать в последние дни своей жизни великий Гёте со своим секретарем И. П. Эккерманом. Премудрость Йешуа Бен-Сира во все времена пользовалась огромным авторитетом, и это единственная из «внешних книг», на которую ссылаются мудрецы Талмуда. То, что она все-таки не была канонизирована иудейскими книжниками, объясняется удивительной и нелегкой судьбой книги.

Известно, что Бен-Сира написал ее в Иерусалиме между 190 и 180 гг. до н. э. Почти ничего не известно о биографии Бен-Сира, но, как предполагают, он был знатного происхождения и в молодости много путешествовал. Его энциклопедические познания отразились в его книге: знание придворных обычаев и тонкостей храмового ритуала, торговли, медицины, нравов, проблем воспитания. (Заметим: его кругозор так же широк, как и кругозор Экклесиаста.) Предполагают, что он был знаком с греческой литературой. Сам автор говорит о своем богатом жизненном опыте, о своих странствиях по миру: «Кто не имел опытов, тот мало знает; а кто странствовал, тот умножил знание. // Многое я видел в моем странствовании, и я знаю больше, нежели сколько говорю. // Много раз был я в опасности смерти, и спасался при помощи опыта» (*Сир 34:10–12*)¹.

¹ Здесь и далее Книга Иисуса, сына Сирахова, цитируется в Синодальном переводе.

Однако больше всего Бен-Сира изучал и лучше всего знал тексты Священного Писания. Ему были известны все книги Танаха, кроме Книги Данииэля, которая, судя по всему, еще не обрела к этому времени своей окончательной формы и не стала известной. Особенно любил он Книгу Притчей Соломоновых и сам был большим мастером составления притч. Однако не в меньшей степени и своим мышлением, и своим стилем Бен-Сира обязан Экклесиасту. Его книга, которую он написал, чтобы научить людей, по его словам, «преуспевать в жизни согласно Закону», т. е. Торе, стала шедевром древнееврейской афористики и религиозно-философской поэзии. Но судьба ее складывалась непросто. В 132 г. до н. э. внук Бен-Серы, приехавший в Египет, решил, что местные евреи недостаточно развивают традиции отечественной премудрости. И так как их разговорным языком все больше становился греческий, внук Бен-Серы перевел книгу своего деда на греческий язык. В предисловии он писал: *Прибыв в Египет в тридцать восьмом году при царе Евергете [Птолемея] // и пробыв там, я нашел немалую разницу в образовании [между палестинскими и египетскими евреями], и счел крайне необходимым и самому приложить усердие к тому, чтобы перевести эту книгу. Много бессонного труда и знаний // положил я в это время, чтобы довести книгу до конца и сделать ее доступною и тем, которые, находясь на чужбине, желают учиться и приспособляют свои нравы к тому, чтобы жить по Закону» (Сир Предисл.: 4–6).*

В перипетиях и катаклизмах истории был утрачен оригинал рукописи на иврите. Вплоть до конца XIX в. оставался известным только греческий перевод (это повлияло на решение еврейских мудрецов о невключении книги в канон). Однако в 1896 г. в Каирской генизе (хранилище обветшавших книг и рукописей из синагогального обихода) была обнаружена значительная часть оригинала на иврите, затем к нему прибавились находки в Кумране. Так действительно подтвердилось знаменитое: «Рукописи не горят».

Книга Бен-Сире имеет стихотворную форму и по жанру больше всего напоминает *Сэфер Ко́зэет*: краткие афоризмы, изречения житейской мудрости сочетаются в ней с развернутыми философскими медитациями и лирическими интермеццо (произведение включает также псалмы, написанные Бен-Сирой). В ней нет четко выраженного плана и тем более – сюжета. Но единство ей придает стройная этическая концепция и образ самого автора, идеально воплощающего представление о мудреце-книжнике, наблюдающем над жизнью и взвешивающем свой опыт на весах Закона. Перед нами человек, влюбленный в свой труд, ставящий его превыше всех занятий. Он проповедует мудрость, знание, но это не научное познание в греческом, европейском, смысле, а наука жизни в соответствии с Божьими заповедями, умение «управить сердце свое». Тора и Премудрость для него едины и являются гарантом неизблемости законов мироздания и нравственности:

Всякая премудрость – от Господа и с Ним пребывает вовек.
Песок морей и капли дождя и дни вечности кто исчислит?
Высоту неба и широту земли, и бездну и премудрость кто исследует?
Прежде всего произошла премудрость, и разумение мудрости –
от века.

Источник премудрости – слово Бога Всевышнего,
и шестие ее – вечные заповеди.

(Сир 1:1–5)

Именно через выполнение заповедей Божьих возможны верность Богу и постижение подлинной мудрости – в этом Бен-Сира абсолютно верен иудейскому подходу: *...Если желаешь премудрости, соблюдай заповеди, и Господь подаст ее тебе, // Ибо премудрость и знание есть страх пред Господом, и благоугождение Ему – вера и кротость* (Сир 1:26–27). Однако показательно, что уже в первой главе заявлена тема, чрезвычайно близкая Экклесиасту: подлинная Премудрость практически недостижима для человека, она принадлежит только Богу. Сравним:

Когда склонил я сердце – мудрость познать
И увидел заботу, что создана под солнцем
(Ибо ни днем, ни ночью сна не знают очи),
То увидел я все дело Бога:

Что не может человек найти суть дела, что творится под
солнцем,

Сколько б ни трудился искать человек – не найдет;
И даже если скажет мудрец, что сумеет, – найти не сможет.
(Еккл 8:16–17; перевод И. Дьяконова)¹

Кому открыт корень премудрости? и кто познал искусство ее?
Один есть премудрый, весьма страшный, сидящий на престоле
Своем, Господь.

Он произвел ее и видел и измерил ее
и излил ее на все дела Свои
и на всякую плоть по дару Своему, и особенно наделил ею
любящих Его.
(Сир 1:6–10)

Таким образом, несмотря на неисповедимость Премудрости Божьей, для каждого человека есть надежда приближения к ней, ибо в понимании Бен-Сиры Премудрость идентична Любви к Господу и открывается тем, в чьей душе живет истинный страх Божий – трепет от сознания и ощущения присутствия Бога в жизни человека:

Страх Господень – слава и честь, и веселие и венец радости.
Страх Господень усладит сердце и даст веселие и радость
и долгоденствие.

Боящемуся Господа благо будет напоследок,
и в день смерти своей он получит благословение.
Страх Господень – дар от Господа и поставляет на стезях любви.
Любовь к Господу – славная премудрость, и кому
благоволит Он,
разделяет ее по Своему усмотрению.

(Сир 1:11–14)

Повторяя с вариациями мысль, высказанную в Книге Притчей, – *Начало мудрости – страх Господень* (Прит 1:7), и одновременно отсылая к Экклесиасту (*Бога, бойся, храни Его заветы... – Еккл 12:13²*) Бен-Сира говорит, что *начало премудрости – бояться Господа, полнота*

¹ Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней / пер. и коммент. И. М. Дьяконова, Л. Е. Когана при участии Л. В. Маневича. М.: РГГУ, 1998. С. 66. Здесь и далее Книга Экклесиаста цитируется по данному изданию в переводе И. М. Дьяконова.

² Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней. С. 66.

премудрости – бояться Господа, венец премудрости – бояться Господа, корень премудрости – бояться Господа (Сир 1:15, 16, 18, 20). Следует подчеркнуть, что «бояться» для него равнозначно «любить». Именно поэтому Йешуа Бен-Сира пишет о Премудрости с восторгом влюбленного и находит для нее самые нежные и поэтичные сравнения: она расцветает, как роза Иерихона, благоухает, как ладан в Скинии, тает во рту, как медовый сот. Он заставляет Премудрость говорить словами прекрасной героини Песни Песней и словами возлюбленного о ней:

Я возвысилась, как пальма в Энгадди и как розовые кусты в
Иерихоне;
я, как красивая маслина в долине, и как платан, возвысилась.
Как корица и аспалаф, я издала ароматный запах
и, как отличная смирна, распространила благоухание,
как халвани, оникс и стакти и как благоухание ладана в Скинии.
Я распростерла свои ветви, как теревинф,
и ветви мои – ветви славы и благодати.
Я – как виноградная лоза, произращающая благодать,
и цветы мои – плод славы и богатства.
Приступите ко мне, желающие меня, и насыщайтесь плодами
моими;
ибо воспоминание обо мне слаще меда
и обладание мною приятнее медового сота.
(Сир 24:15–22)

Однако при этом мудрость в понимании также Бен-Сира трезвенна и буднична, она питает человека суровой простой пищей – хлебом и водой. И мудрец говорит подчас о самых прозаических житейских вещах и ситуациях, стремится дать, как и автор Книги Притчей или Экклесиаст, конкретные жизненные уроки. При этом он выступает как тонкий психолог, прекрасно изучивший человеческую природу и не питающий иллюзий относительно нее. Его взгляд на человека порой весьма ироничен, хотя никогда не опускается до мизантропии, и это весьма сближает его позицию с позицией Экклесиаста:

Не советуйся с женою о сопернице ее и с боязливым – о войне,
с продавцом – о мене, с покупщиком – о продаже,
с завистливым – о благодарности,
с немилосердным – о благотворительности, с ленивым –

о всяком деле...
(Сир 37:11–12)

Будничность и трезвенность содержания сочетается в Премудрости Йешуа Бен-Сиры с высоким восторгом мысли, требующим праздничного и красочного выражения. «Строгая трезвенность содержания и веселая парадность формы в книге Бен-Сиры уравнивают друг друга, обеспечивая соразмерность эстетического целого», – пишет С. С. Аверинцев¹.

Жизнь видится Бен-Сире двойственной, несущей человеку и горести, и радости. Он готов признать, что первых гораздо больше, что жизнь по определению трагична, хотя бы потому, что очень коротка. Мотивы бренности и трагизма бытия, звучащие в книге Бен-Сиры, сближают его с Экклесиастом и, возможно, восприняты у последнего. Как и Экклесиаст, Бен-Сира размышляет о том, как трудно человеку преодолеть собственную тщету, пробиться к истинному пониманию добра и зла, как порой странно переплетаются и путаются они, как часто ни в чем не находит человек ни смысла, ни пользы:

Что есть человек и что польза его? что благо его и что зло его?
Число дней человека – много, если сто лет: как капля воды из моря
или крупинка песка, так малы лета его в дне вечности.
(Сир 18:7–8)

Очень часто размышления Бен-Сиры об участии человека согреты горячим сочувствием к нему:

Много трудов предназначено каждому человеку,
и тяжело иго на сынах Адама со дня исхода из чрева матери их
до дня возвращения к матери всех.
Мысль об ожидаемом и день смерти
производит в них размышления и страх сердца.
(Сир 40:1–2)

Жизнь человека абсолютно непредсказуема, и каждого ждет один и тот же конец:

¹ Аверинцев С. С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы : в 9 т. / редкол.: Г. П. Бердников (отв. ред.), Ю. Б. Виппер (зам. гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1983. Т. 1. С. 298.

Что гордится земля и пепел?
И при жизни извергаются внутренности его.
Продолжительною болезнью врач пренебрегает:
и вот, ныне царь, а завтра умирает.
Когда же человек умрет,
то наследием его становятся пресмыкающиеся,
звери и черви.

(Cup 10:9–13)

Бен-Сира столь же часто напоминает о смерти, как и
Экклесиаст. И точно так же он призывает не предаваться
бесконечному унынию, радоваться жизни вопреки ее брэн-
ности:

Не предавайся печали душою своею и не мучь себя своею
мнительностью;
веселье сердца – жизнь человека, и радость мужа –
долгоденствие;
люби душу твою и утешай сердце твое и удаляй от себя печаль,
ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет.

(Cup 30:22–25)

Твердя *memento mori*, Бен-Сира призывает человека от
чистого сердца совершать приношения в Храм, делать доб-
ро другим, но и себя радовать, разумно наслаждаться жиз-
нью:

Сын мой! по состоянию твоему делай добро себе
и приношения Господу достойно приноси.
Помни, что смерть не медлит,
и завет ада не открыт тебе:
прежде, нежели умрешь, делай добро другу,
и по силе твоей стирай твою руку и давай ему.
Не лишай себя доброго дня,
и часть доброго желания да не пройдет мимо тебя.
Не другим ли оставишь ты стяжания твои
и плоды усилий твоих для раздела по жребию?
Давай и принимай, и утешай душу твою,
ибо в аде нельзя найти утех.

(Cup 14:11–17)

При этом под адом в данном контексте вряд ли нужно
понимать место наказания грешников, но просто *шеол* –
потусторонний мир, неисследимый и, согласно смыслу
слова, «вопрошаемый» (тот, о котором мы только вопро-
шаем и, в сущности, ничего не знаем).

Вслед за Экклесиастом Бен-Сира говорит о тленности всего земного, о неизбежном, неостановимом ветшании плоти, о неумолимости смерти и одновременно – о бесконечной смене одного поколения другим (ср. *Еккл 1:4*):

Всякая плоть, как одежда, ветшает;
ибо от века – определение: «смертью умрешь».
Как зеленеющие листья на густом дереве –
одни спадают, а другие вырастают:
так и род от плоти и крови –
один умирает, а другой рождается.
Всякая вещь, подверженная тлению, исчезает,
и сделавший ее умирает с нею.

(*Сир 14:18–20*)

Единственное, что позволяет человеку еще при жизни противостоять забвению и смерти, а после смерти приобрести к вечности, согласно Бен-Сире, – стремление к мудрости и страх Господень:

Блажен человек, который упражняется в мудрости
и в разуме своем поучается святому.
Кто размышляет в сердце своем о путях ее,
тот получит разумение и в тайнах ее.

<...>

Боящийся Господа будет поступать так,
и твердый в Законе овладеет ею.
И она встретит его, как мать,
и примет его к себе, как целомудренная супруга;
напитает его хлебом разума,
и водою мудрости напоит его.
Он утвердится на ней и не поколеблется;
прилепится к ней и не постыдится.
И она вознесет его над ближними его,
и среди собрания откроет уста его.
Веселье и венец радости и вечное имя наследует он.

(*Сир 14:21–22; 15:1–6*)

Каков же положительный идеал мудреца? Это спокойный, уравновешенный человек, всегда обдумывающий свои решения, заботливый и рачительный хозяин, строгий и любящий глава семейства, вежливый и справедливый, всегда готовый прийти на помощь слабому и обиженному: *Спасай обижаемого из рук обижающего и не будь малодушен, когда судишь* (*Сир 4:9*). При этом Бен-Сира пони-

мает, что нельзя требовать от человека непомерного, ведь он зависит от давления окружающего мира: *Чрез меру трудного для тебя не ищи, и что свыше сил твоих, того не испытывай* (Сир 3:21). (Экклесиаст также советует: *Не очень будь праведным и не слишком мудрым – // Зачем тебе ужасаться?* (Еккл 7:16)¹.) Однако истинный человек не должен отворачиваться и отступать, когда видит явную несправедливость и опасность, грозящую другому человеку, особенно другу. Дружбу Бен-Сира считает величайшим из благ жизни и посвящает ей множество великолепных афоризмов: *Верный друг – крепкая защита: кто нашел его, нашел сокровище. // Верному другу нет цены, и нет меры доброте его. // Верный друг – врачество для жизни, и боящиеся Господа найдут его. // Боящийся Господа направляет дружбу свою так, что, каков он сам, таким делается и друг его* (Сир 6:14–17); *Не оставляй старого друга, ибо новый не может сравниться с ним; // Друг новый – то же, что вино новое: когда оно сделается старым, с удовольствием будешь пить его* (Сир 9:12–13).

Мудрец говорит также о многочисленных пороках, уродующих человека. Однако при этом он призывает к состраданию. Главное, что он ценит в человеке, – гуманность и милосердие. Даже к рабу, который в эллинско-римском мире считался лишь «говорящим орудием», Бен-Сира советует относиться по-братски: *считать как бы братом и не обижать его*. Книга Бен-Сира еще раз подтверждает, что нет жесткой границы между этическими принципами Танаха и Евангелий, ведь и те, и другие опираются на Десять Заповедей. И Бен-Сира говорит о любви к ближнему, о сострадании, о способности прощать как о высших человеческих качествах: *Не укоряй человека, обращающегося от греха, помни, что все мы находимся под эпитимиями*². //

¹ Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней. С. 55.

² Эпитимия (греч. *epitimia* – «наказание») – в данном контексте – чувство вины перед Богом; в последующей христианской традиции – добровольно (из ощущения внутренней вины) принятое на себя дело милосердия.

...Не радуйся смерти человека, хотя бы он был самый враждебный тебе... (Сир 8:6,8). Или: Мстительный получит отмщение от Господа, Который не забудет грехов его. // Прости ближнему твоему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои. // Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения; // к подобному себе человек не имеет милосердия, и молится о грехах своих; // сам, будучи плотию, питает злобу: кто очистит грехи его? // Помни последнее и перестань враждовать; помни истление и смерть и соблюдай заповеди; // помни заповеди и не злобствуй на ближнего... (Сир 28:1–7).

Показательно, что как заклинание Бен-Сира твердит: *Помни истление и смерть и соблюдай заповеди...* Он глубоко убежден, что именно знание человеком своей конечности и вечности, которая ждет его после смерти, делает человека человеком: *Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь (Сир 7:39).*

Стержнем же этической концепции Бен-Сира является учение о цельности человеческой личности и свободе воли. Именно в его книге впервые с такой полнотой и ясностью выражена мысль о свободе выбора, дарованной Богом человеку, и сопряженной с ней ответственности: *Он от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его. // Если хочешь, соблюдеешь заповеди и сохранишь благоугодную верность. // Он предложил тебе огонь и воду: на что хочешь, прострешь руку твою. // Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему (Сир 15:14–17).* И так, путь человека, его судьба зависят от самого человека. Как справедливо замечает С. С. Аверинцев, «этика Бен-Сира... мужественна, ибо требует от человека полной целостности воли»¹. Мудрец говорит о необходимости для человека неустанного труда души, бодрствования разума, сон которого, как известно, рождает чудовищ. Больше всего Бен-Сира ненавидит лень – физическую и душевную. Глупость в его понимании – не свойство ума, но отсутствие воли, душевная расхлябанность. В равной

¹ Аверинцев С. С. Древнееврейская литература. С. 298.

степени и мудрость для него – не признак интеллекта, но признак воли, умение обуздывать самого себя, возделывать сад собственной души.

Жизнь человека воспринимается Бен-Сирой как непрестанное усилие, непрестанное преодоление – прежде всего, самого себя: *Кто приставит бич к помышлениям моим и к сердцу моему наставника в мудрости, чтобы они не щадили проступков моих и не потворствовали заблуждениям их?..* (Сир 23:2). Только беспредельная строгость к себе позволит человеку стать достойным Божьего замысла. И чем больше человек постигает величие Творца, тем меньше он чувствует себя вправе предъявлять Ему какие бы то ни было требования. Все, что посылает жизнь, нужно принять как должное, ибо *доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство – от Господа* (Сир 11:14). Высшая радость человека – бесконечно постигать величие Творца и благодарить Его за дарованную жизнь, какой бы трудной она ни была.

Словно подводя итог многовековой традиции иудейской мысли, иудейской этики, Бен-Сира в «Панегирике отцам» (Сир 44–50) славит праотцев еврейского народа, пророков и тех, кому они передали эстафету, – мудрецов-праведников, мужей Великого Собраниа, замыкая этот ряд первосвященником Шимоном II – Шимоном Праведным. Мудрец говорит о величайшем смысле истории, о небесследности деяний человека. Он верит, что настанет тот час, когда вся земля узнает истинного Бога, и молит Творца приблизить это время:

Наполни Сион хвалою Обетований Твоих, и Твоею славою –
народ Твой.
Даруй свидетельство тем, которые от начала были достойным
Твоим,
и воздвигни пророчества от имени Твоего.
Даруй награду надеющимся на Тебя, и да веруют пророкам
Твоим.
Услышь, Господи, молитву рабов Твоих, по благословению
Аарона, о народе Твоем, –
и познают все живущие на земле, что Ты – Господь, Бог веков.
(Сир 36:15–19)

Таким образом, для Йешуа Бен-Сиры Книга Экклесиаста (наряду с Книгой Притчей) становится не только важнейшим интертекстом, но и архетекстом – смысло- и текстопорождающим текстом, с которым он ведет постоянный диалог. Тем не менее, в чем-то соглашаясь с оценкой мира и человека у Экклесиаста, Бен-Сира и спорит с ним: в его Премудрости нет столь неизбывного пессимизма, столь мрачных оценок земного бытия. Нет у него и столь сильного сомнения в пользе самой мудрости для человека. Наоборот: он уверен в том, что ее необходимо постигать, что именно она станет человеку опорой. Именно поэтому Бен-Сира гордо высказывает в финале книги уверенность в небесполезности всего, что он написал: *Учение мудрости и благоразумия начертал в книге сей я, Иисус, сын Сирахов, Иерусалимлянин, который излил мудрость от сердца своего. // Блажен, кто будет упражняться в сих наставлениях, – и кто положит их на сердце, тот сделается мудрым; // а если будет исполнять, то все возможно; ибо свет Господень – путь его (Сир 50:29–31).*

Завершается же книга Бен-Сиры его страстной личной молитвой, прославляющей Господа и даруемую Им мудрость, выражающей веру в награду для всякого, кто ищет мудрости и идет путями ее, в осмысленность мира вопреки всем страданиям и неизбежности смерти:

Воздам славу Дающему мне мудрость.
Я решился следовать ей,
ревновал о добром, и не постыжусь.
Душа моя подвизалась ради нее,
и в делах моих я был точен;
простирал руки мои к высоте
и сознавал мое невежество.
Я направил к ней душу мою,
и сердце мое предал ей с самого начала –
и при чистоте достиг ее;
посему не буду оставлен ею.
И подвиглась внутренность моя, чтобы искать ее;
посему я приобрел доброе приобретение.
В награду мне Бог дал язык,
им я буду хвалить Его.
Приблизьтесь ко мне, ненаученные,

и водворитесь в доме учения,
ибо вы нуждаетесь в этом,
и души ваши сильно жаждут.
Я отверзаю уста мои и говорю:
приобретайте ее себе без серебра;
подклоните выю вашу под иго ее,
и пусть душа ваша принимает учение;
его можно найти близко.
Видите своими глазами: я немного потрудился –
и нашел себе великое успокоение.
Приобретайте учение и за большое количество серебра, –
и вы приобретете много золота.
Да радуется душа ваша о милости Его,
и не стыдитесь хвалить Его;
делайте свое дело заблаговременно,
и Он в свое время отдаст вашу награду.

(Сир 51:23–38)

Книгу Экклесиаста внимательно перечитывал во II в. до н. э. не только Йешуа Бен-Сира. Ее читали и комментировали члены ессеической Кумранской общины, основанной таинственным Учителем Праведности в этом же столетии и просуществовавшей до конца I в. н. э. Как известно, открытие документов Кумранской общины – Свитков Кумрана (*Мегиллот Кумран*), или Свитков Мертвого моря, – стало одним из самых сенсационных открытий XX в. Оно позволило не только подтвердить древность библейских текстов (практически все книги Танаха переписывались и комментировались кумранитами), заполнить лакуну между временем завершения записи книг Еврейской Библии и началом записи новозаветных текстов, но и уточнить бывшие до тех пор полулегендарными-полуисторическими сведения о ессеях – одном из трех основных течений в иудаизме конца эпохи Второго Храма наряду с саддукеями (*цедуким*) и фарисеями (*перушим*).

Если фарисеи, отделившиеся от саддукеев, оставались активными членами иудейской общины, учителями Торы, толковавшими ее народу, то ессеи выбрали путь практически полного обособления, ухода от мира. Как предполагают, греческое *εσσαιοι* происходит от восточноарамейского *хасайя* – «хасиды», «благочестивые». Ессеи претендова-

ли на звание истинно благочестивых и именовали себя «сынами света», а остальных – «сынами тьмы». И хотя символика двух миров – света и тьмы – характерна и для Нового Завета, пожалуй, слишком резкое неприятие инакомыслящих, уверенность, что все, кроме «сынов света» (т. е. членов ессейской общины), обречены, а также вера в то, что все пути людей предписаны «еще прежде, чем они были созданы» (*Устава II:7–8*), крайний детерминизм – то, что отличает ессейское учение от евангельской проповеди.

Однако при этом обнаруживается очень много общего с первыми христианами. Ессейская община, следы которой были обнаружены в Вади-Кумран, именовала себя «общиной Нового Завета» (опираясь на известное пророчество Иереми). В одном из Кумранских текстов встречается знаменитое евангельское выражение «нищие духом». Кумраниты именовали себя, как и ученики Иисуса, «бедняками» – *эвионим*.

Ессеи селились уединенными общинами, чтобы прекратить всякие отношения с остальным миром («сынами тьмы») и чтобы следовать завету пророка Исаии (точнее, Второиасаи) – «в пустыне торите путь Господу» (*Ис 40:3*). Они часто давали обет безбрачия (такого обычая не было раньше в иудейской среде). Предполагают, что с ессеями был связан апостол Иоанн, ибо сохранилось предание о его безбрачии, и по стилю его писания напоминают ессейские. Как считают исследователи, одним из ессейских проповедников был Иоанн Креститель (Предтеча), учеником которого был Иоанн. У ессеев существовало полное имущественное равенство, они вели коммунальное хозяйство и проповедовали умеренность, скромность, братскую привязанность к членам общины. По словам Филона Александрийского, их «любовь к добродетели проявляется в отвращении к стяжательству, равнодушии к славе и наслаждениям, в выдержке, стойкости, малых потребностях, умеренности, скромности, постоянстве». Иосиф Флавий также говорит, что ессеи славились «своей привязанностью друг к другу».

Устав общины, обнаруженный среди Кумранских свитков, очень напоминает устав христианского монастыря. Стержнем жизни общины было совместное чтение и толкование Священного Писания, а также торжественные общие трапезы, которым придавалось особое значение. На эти трапезы кумраниты, как истинные «сыны света», приходили в белых одеждах. Среди их ритуалов – обряд посвящения в братство через вкушение хлеба и вина, очень напоминающий главное христианское таинство – евхаристию. Особая комната была отведена для писцов, которые переписывали священные книги (при раскопках были найдены их пюпитры и чернильницы). Писцы трудились с особым рвением, и результатом их труда стала большая библиотека (несколько сотен рукописей).

Основателем общины был человек, имя которого осталось тайной. В Кумранских текстах он именуется Священником, Избранником, Взыскующим Торы, Единственным Учителем, но чаще всего *Морэ́ йа-Цедэк* – «Учитель Праведности». Это выражение было заимствовано из Книги пророка Йозля (Йоиля), который говорил, что в конце времен Бог пошлет Израилю *дождь по милости [Своей]*, что звучит на иврите как *йа-Морэ́ ли-Цедака (Йоиль 2:23)*; сходное место есть у пророка Гошеа, или Осии (*Ос 10:12*). Своей главной целью Учитель Праведности считал возведение прихода Мессии и тем самым полагал себя его предтечей (в этом смысле его роль типологически сходна с ролью Иоанна Крестителя, или Иоанна Предтечи, в евангельских текстах). Учитель Праведности утверждал, что Господь *открыл ему все тайны слов рабов Своих – пророков (Толкование на Аввакума VII:4–5)*. В Кумранских гимнах, которые в основном приписываются Учителю Праведности, говорится о страданиях, которые претерпел Учитель, о том, что он стал жертвой глумления и клеветы:

Глумители скрежетали зубами,
И я был осмеян грешниками,
И против меня свирепствовало сборище нечестивых,
И они шумели, как шторм морской...
Злобствующие ищут души моей
За то, что я предан Завету Твоему,

А они сборище суеты и община Велиала¹...
Ибо они изгнали меня из моей страны,
Как птицу из ее гнезда,
И все мои близкие и родные далеко от меня...
И они еще прибавили к моим бедствиям:
Заключили меня в темницу,
И я ел хлеб со слезами,
И питье мое было в слезах бесконечных...
Я был связан прочными веревками и цепями,
Которые невозможно было разбить,
И крепкая стена держала меня взаперти.

(Гимны 2:1, 2; 4:7; перевод А. Меня)²

На основании подобных намеков первые исследователи Свитков Мертвого моря видели в Учителе Праведности «двойника» Иисуса из Назарета. Но тексты ничего не говорят о насильственной смерти Учителя, жизнь которого закончилась предположительно между 120 и 110 гг. до н. э. Последующие исследователи склонны были считать кумранского Наставника прототипом евангельского Проповедника. Все дело, вероятно, в том, что многие кумраниты влились затем в ряды первых христиан и принесли в хри-

¹ *Велиал*, или *Велиар* (иврит. *Белийаал*, *Блиййаал*; этимология неясна; предположительно – «негодный» или «не могущий взойти») – в еврейской народной демонологии и христианских представлениях злой дух, связанный с ложью и разрушением. В Торе это имя употребляется не как собственное, но, скорее, как нарицательное со значение «ложный бог», «не-бог», «ничто», «суета» (см. *Втор 32:21*). Выражение «дело Блиййаала» понимается как «непотребство» (*Пс 101/100:3*), а «сыны Блиййаала» – как «нечестивцы», «никчемные люди» (*Втор 13:13; 1 Цар 2:12; 10:27; Суд 19:22* и др.). Далее этот образ персонифицируется, и уже в Кумранских текстах Велиал понимается как предводитель «сынов тьмы», всех нечестивых. С такими коннотациями этот образ предстает и в Новом Завете, где Велиар выступает также как антагонист Христа, т. е. как антихрист (*2 Кор 6:14–15*). Именно поэтому в более поздней христианской традиции (и европейской литературе) Велиал – одно из именованных сатаны или один из его подручных.

² *Мень А. В.* История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни : в 7 т. М. : Слово, 1991–1993. Т. 6 : На пороге Нового Завета: От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя. С. 264.

стианство некоторые свои ритуалы, что общей была атмосфера, формировавшая и ессееское движение, и христианство. Однако при всем сходстве внешнем было существенное внутреннее различие: это жесткий детерминизм ессеев и нетерпимость, уверенность, что прощение для «сынов тьмы» невозможно. Им чужд был миссионерский дух, а это несовместимо было с призывом Христа: *...идите, научите все народы...* (Матф 28:19)¹. Кумраниты не собирались никого учить: они страстно ждали Последнего Суда, когда спасутся и воссияют «сыны света».

Однако именно это и есть самое ценное в Кумранских свитках – то, что в них с огромной силой выражена страстная надежда на преображение мира. Кумраниты жили мессианскими чаяниями, напряженным ожиданием последней, решающей схватки Добра и Зла. Устав общины призывал их быть постоянно готовыми к наступлению Мессианской эры: *Се время уготовить путь в пустыне и научить их всему, что окажется нужным делать в это время (Устав IX:19–20)*. «Их» – избранников, верных Учителю Праведности.

Особое место среди кумранских рукописей занимает «Свиток Хвалений» («Благодарственные Гимны»). Этот сборник, отталкиваясь от традиции канонической Книги Хвалений (Псалтири), сплавляет ее с интонациями пророческих книг и грозными видениями апокалиптиков. Исследователь и переводчик библейских и кумранских текстов, христианский экзегет Д. В. Щедровицкий пишет: «Эти Гимны воспринимаются сегодня как крик, вырвавшийся на волю после двух тысяч лет молчания... Нет никакого сомнения в том, что Гимны были известны не только Иоанну Крестителю, но и евангелистам и апостолам и оказали влияние на стиль их Писаний»².

¹ Как показали исследования, взгляды первых сект внутри христианства оказались очень близки доктринам ессеев.

² «Ибо знаю надежду»: Кумранские гимны / пер. с древнеевр., вступ. слово и коммент. Д. В. Щедровицкого // Новый мир. 1991. № 1. С. 122.

Многое в идеях, образности, метафорике гимнов является прямым мостом между Ветхим и Новым Заветом. Так, в одном из них, условно названном «Предмессианские муки», автор уподобляет себя *женщине, рождающей впервые (здесь и далее перевод Д. Щедровицкого)*¹. В Танахе жена, мучающаяся в родовых схватках, олицетворяет народ Божий, искупающий свою вину перед грядущим спасением: *Страдай и мучься болями, дочь Сиона, как рождающая, ибо ныне ты выйдешь из города и будешь жить в поле и дойдешь до Вавилона. Там будешь спасена, там искупит тебя Господь от руки врагов твоих (Мих 4:10; Синод. перевод)*. В конце эпохи Второго Храма, под тяжким гнетом римлян, выражение *Ховлей Машиах* («муки рождения Мессии») начинает обозначать сгустившиеся страдания народа Израиля перед приходом Мессии, муки, вслед за которыми наступит великое Избавление. В муках община избранников Божьих должна породить Мессию. Отождествляя себя с Женой, рождающей Мессию, автор говорит от имени всего Израиля:

Ибо дети дошли до чресел смерти,
И Рождающая Мужа терпит муки.
Но из чресел смерти изведешь Ты мужа,
И при муках родовых Шеола
Он изыдет из горнила чрева –
Явит силу он – Советник Чудный,
Да, спасется муж от волн крушащих!

(Гимны 6)²

Сама фразеология гимна напоминает читателю о мессианском пророчестве Исаии: *Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог Крепкий, Отец вечности, Князь мира (Ис 9:6; Синод. перевод)*. С другой стороны, образ Жены, в муках рождающей Мессию, предвосхищает видение Иоанна Богослова в его Апокалипсисе: *Жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. // Она имела во чреве и кричала от*

¹ Там же.

² «Ибо знаю надежду»: Кумранские гимны. С. 123.

болей и мук рождения (Откр 12:1–2). В свою очередь, видение Иоанна опирается на символику знаменитого сна Иосифа в Книге Бытия, где солнце – Иаков, луна – Рахиль, звезды – братья Иосифа (*Быт 37:9–10*). Упоминание «чрессел смерти» и родовых мук Шеола (Преисподней) возвращает к древнему архетипу сошествия в подземное царство и преодоления смерти, умирания и воскресения и одновременно предваряет новозаветный образ Иисуса, сходящего в ад и побеждающего смерть.

Образы гимнов потрясают своей глобальностью, космической мощью. Предваряя знаменитое описание Армагеддонской¹ битвы в Апокалипсисе (Откровении) Иоанна Богослова (*Откр 16:13–16; 19:11–21*), неведомый автор рисует картину вздыбленного, потрясенного до основания мира, переживающего последнюю схватку Света и Тьмы:

Но взвоятся погибели стрелы
И, надежду отняв, расплодятся,
Суд отвесом падет,
И постигнет сокрывшихся гнев,
И последняя ярость
Сынов Велиала настигнет,
И, спасенья лишив,
Муки смертные их окружат,
И поток Велиала
Захлестнет вознесенные крылья,
И раскатятся Рек Огня,
И деревья пожрут –
Древо свежее вместе с увядшим,
И лучи, устремившись,
Пронижут основы всего –
Да, прожгут утвержденье земли,
Основанье разостланной суши,
Гор ступни опалят,

¹ *Армагеддон* – искаженное ивритское *ир Мегиддо* («город Мегиддо») или *ѓар Мегиддо* («гора у города Мегиддо»); согласно иудейским и христианским представлениям, в долине и на горе у города Мегиддо произойдет финальное сражение добра и зла. В более поздней христианской традиции (особенно протестантской) слово «Армагеддон» стало обозначать не только местность, но и самую битву.

Корни мрамора – бурной смолой:
Все – до бездны великой – сгорит!..

И тогда Велиала потоки
В глубину Аваддона¹ прорвется,
Мысли бездны смешав,
Ил в глубинах ее возмутив,
И земля возопит
О великой беде во вселенной,
Станут громкими мысли ее!

Всяк живущий на ней воскричит,
Изнеможет в беде небывалой, –
Так взволнует их Бог
Потрясающей силой Своей!

И жилище Его
Потрясется от истинной Славы,
И Небесное Воинство
Голос издаст!

Изнемогут и в трепет впадут
Основанья вселенной,
Ибо вышние воинства
Вступят в бои,

И сраженья без роздыха будут,
Пока не придут к Завершенью,
И подобного этому нет!..²

В связи с острым переживанием кумранитами своего времени как несправедного, полного зла, сгустившегося перед концом несправедной истории – Эсхатоном, им были очень близки горькие размышления Экклесиаста о тщете земного мира. Так, в одном из Кумранских гимнов (Гимн

¹ Аваддон (иврит. «погибель», «уничтожение») – традиционно интерпретируется как одно из названий Шеола. Однако, как можно понять из Кумранских Гимнов, имеется в виду низший, самый глубокий уровень Шеола, где, возможно, уничтожаются души самых страшных грешников (см.: *Тантлевский И. Р.* Книги Еноха. М. ; Иерусалим : Мосты культуры ; Гешарим, 2000. С. 96). Как персонифицированная фигура Аваддон сближается с ангелом смерти. Согласно христианским представлениям, Аваддон, чье имя переведено на греческий как *Аполлион* («губитель»), возглавит в финальной битве Добра и Зла рать чудовищной «саранчи» (*Откр 9:11*).

² «Ибо знаю надежду»: Кумранские гимны. С. 124–125.

21-й, условно названный «От скорби – к радости»), автор, буквально цитируя Экклесиаста, вслед за ним говорит о бренности и хрупкости человека, о его горьком уделе, об обреченности его на страдания:

Горьких слез мне открылся источник –
Стенанье и плач, –
От меня не сокрылась
Тщета моего сотворенья,
Но росла в размышленьях моих:
Снова в прах человек возвратится!..
А удел человека –
Прегрешенье, и скорбь, и вина:
Это все мне на сердце взошло,
Это кости мои поразило,
Как болезнь и недуг, –
Чтобы скорбная мысль со стенаньем
Звучала на арфе,
Чтобы скорбную песнь отыскать
Для печали и плача любого¹.

Однако, по логике древнего поэта, предельная скорбь, до которой должен дойти мир (и предназначение поэта – помочь ему в этом), непременно сменится ликованием в связи с кардинальным преобразованием мира. Поэтому необходимо,

Чтобы горькое длилось рыданье,
Пока не исчезнет нечестье,
И злодейства не станет,
И не станет недуга и боли.
И тогда заиграю на арфе спасенья.
И на лире веселья,
И на ликованья тимпане,
И на флейте хвалы –
И вовек не замолкну!..²

Вслед за Книгой Псалмов кумранский псалмопевец развивает мотив «от страдания – к радости», являющийся вечной формулой движения человеческого духа и формулой преобразования бытия. Однако не менее важна для него

¹ «Ибо знаю надежду»: Кумранские гимны. С. 125.

² Там же.

и парадигма, созданная Экклесиастом: утверждение радости жизни вопреки и благодаря ее бренности, преодоление тщеты и абсурдности бытия через осмысленное выполнение заповедей Божьих и подготовку к эсхатологическому Суду, к Мессиианской эре.

В сложное переломное время некоторые пытались оппорить горькие истины Экклесиаста и показать, что размышления о смерти, акцентирование бренности, тщетности, абсурдности бытия, а также призыв радоваться жизни и наслаждаться ею неумолимо толкают человека на путь греха. Так, например, неведомый автор Премудрости Соломона (II–I вв. до н. э.), исключенной еврейскими мудрецами из канона, но включенной в качестве второканонической книги в Христианскую Библию, явно спорит с Экклесиастом, вкладывая его мысли в уста Соломона, но наполняя их ироническим смыслом, провозглашая их заблуждением:

Неправо умствующие говорили сами в себе: «коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада. // Случайно мы рождены и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших – дым, и слово – искра в движении нашего сердца. // Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух; // и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягченный теплою его. // Ибо жизнь наша – прохожде-ние тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается. // Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; // преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни; // увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли; // никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении; // везде оставим следы веселья, ибо это наша доля и наш жребий» (Прем 2:1–9)¹.

Здесь невозможно не услышать переключек с Экклесиастом, с его призывом: *Так ешь же в радости хлеб твой и с легким сердцем пей вино – / Ибо угодны Богу твои дея-*

¹ Здесь и далее Премудрость Соломона цитируется в Синодальном переводе.

ня. // Во всякое время да будут белы твои одежды, / И пусть не оскудевает на голове твоей умаченья; // Наслаждайся жизнью с женщиной, которую любишь... (Еккл 9:7–9)¹, с его констатацией: ...нет большего блага, чем радоваться своим делам, / Ибо в этом доля человека. / Ибо кто его приведет – посмотреть, что будет после него? (Еккл 3:22)², и переключек именно в плане спора с ним. Однако у Экклесиаста нет призыва к безудержному гедонизму, и наоборот – есть призыв помнить о Суде Божьем, бояться Бога. Поэтому, возможно, автор Премудрости Соломона спорит с весьма распространенным в его время эпикуреизмом, а точнее – эпикурейством в бытовом смысле слова. Но даже и стоицизм с его трагическим видением мира, исполненного зла, призывал ценить каждое мгновение жизни и радоваться малому. По мысли автора Премудрости, все это – и прежде всего неверие в бессмертие души, в загробное воздаяние, в Высший Суд – необратимо ведет к разгулу безнравственности и социальной несправедливости:

«Будем притеснять бедняка праведника, не пощадим вдовы и не постыдимся многолетних седин старца. // Сила наша да будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным. // Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания...» <...> // Так они умствovali, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их, // и они не познали тайн Божиих, не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды душ непорочных... (Прем 2:10–12; 21–22).

Если Экклесиаст высказывает сомнение в том, что нам что-либо известно о воздаянии за гробом, то автор Премудрости Соломона не сомневается в этом и считает, что именно награда праведникам после смерти и эсхатологического Суда помогает решить болезненную проблему теодицеи и восстановить справедливость:

¹ Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней. С. 59–60.

² Там же. С. 48.

Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечно-го бытия Своего; // но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его. // А души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их. // В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, // и отшествие от нас – уничтожением; но они пребывают в мире. // Ибо, хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия. // И немного наказанные, они будут много облагодетельствованы, потому что Бог испытывал их и нашел их достойными Его. // Он испытал их как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную. // Во время воздаяния им они воссияют, как искры, бегущие по стеблю. // Будут судить племена и владычествовать над народами, а над ними будет Господь царствовать во веки. // Надеющиеся на Него познают истину, и верные в любви пребудут у Него; ибо благодать и милость со святыми Его и промышление об избранных Его. // Нечестивые же, как умствовали, так и понесут наказание за то, что презрели праведного и отступили от Господа. // Ибо презирающий мудрость и наставление несчастен, и надежда их суетна, и труды бесплодны, и дела их непотребны (*Еккл 2:23–24; 3:1–11*).

Таким образом, в понимании автора Премудрости Соломона незыблемая вера в Бога и Его конечное воздаяние, любовь к Нему и Его премудрости являются единственным противоядием против ощущения суетности и бессмысленности жизни. Как авторы Притчей Соломоновых, как Эклесиаст, как Бен-Сира, он славит – и с еще большей силой – Премудрость Божью, понимая ее как некую уже почти гипостазированную силу Божью, Его дыхание, Его творческую энергию, эманлируемую в мир и все одухотворяющую и творящую, «художницу всего» (*Прем 7:21*):

...я молился, и дарован мне разум; я взывал, и сошел на меня дух Премудрости. // Я предпочел ее скипетрам и престолам и богатство почитал за ничто в сравнении с нею; // драгоценного камня я не сравнил с нею, потому что перед нею все золото – ничтожный песок, а серебро – грязь в сравнении с нею. // Я полюбил ее более здоровья и красоты и избрал ее предпочтительно перед светом, ибо свет ее неугасим. // <...> Познал я все, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. // Она есть дух разумный, свя-тый, едиnorodный, многочастный, тонкий, удобоподвижный, свет-лый, чистый, ясный, неврeдительный, благолюбивый, скорый, не-удержимый, // благодетельный, человеколюбивый, твердый, непоко-лебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи. / Ибо Премудрость подвижнее

всякого движения, и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает. // Она естьдыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя: поему ничто оскверненное не войдет в нее. // Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодсти Его. // Она – одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков; // ибо Бог никого не любит, кроме живущего с Премудростью. // Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд; в сравнении со светом она выше; // ибо свет сменяется ночью, а Премудрости не превосмогает злоба. // Она быстро распространяется от одного конца до другого и все устрояет на пользу. // Я полюбил ее и взыскал от юности моей, и пожелал взять ее в невесту себе, и стал любителем красоты ее. // Она возвышает *свое* благородство тем, что имеет сожитие с Богом, и Владыка всех возлюбил ее: // она таинница ума Божия и избирательница дел Его (*Прем 7:7–10, 21–30; 8:1–4*).

Автор Премудрости Соломона свято убежден, что именно «сожитие с Премудростью» открывает путь к бессмертию, преодолевает суетность и тщету земного бытия: *Через нее я достигну бессмертия и оставлю вечную память будущим после меня* (*Прем 8:13*). Школой же обретения Премудрости, поисков трудных путей к ней для него, как и для еврейских мудрецов эпохи Талмуда, является прежде всего Книга Экклесиаста.

Таким образом, для еврейских авторов конца эпохи Второго Храма (II в. до н. э. – I н. э.) – для Йешуа Бен-Сиры, создателя Книги Премудрости, получившей его имя, безвестных авторов Премудрости Соломона и кумранских текстов (в частности, Кумранских гимнов) Книга Экклесиаста выступает как один из важнейших источников интертекстуальности (прямого и скрытого цитирования, многочисленных аллюзий), но прежде всего – как архетекст, т. е. древний текст-образец, выполняющий смысло- и текстопорождающую функцию. В диалоге с Экклесиастом они пытаются понять свое трудное время, предназначение человека, постичь тайну Премудрости Божьей, смысл истории и заглянуть за ее грань, прозреть преображение мира, выстроить свою концепцию человека и собственную философию истории. Особенно важна Книга Экклесиаста для Йешуа Бен-Сиры, чья книга неслучайно в корпусе

Вульгаты получила именование *Ecclesiasticus*, прямо отсылающее к Экклесиасту.

Литература:

1. *Аверинцев С. С.* Древнееврейская литература // История всемирной литературы : в 9 т. / редкол.: Г. П. Бердников (отв. ред.), Ю. Б. Виппер (зам. гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1983. Т. 1. С. 271–302.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Синодальный перевод.
3. Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней / пер. и коммент. И. М. Дьяконова, Л. Е. Когана при участии Л. В. Маневича. М. : РГГУ, 1998. 343 с.
4. «Ибо знаю надежду»: Кумранские гимны / пер. с древнеевр., вступ. слово и коммент. Д. В. Щедровицкого // Новый мир. 1991. № 1. С. 122–129.
5. *Мень А. В.* История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни : в 7 т. М. : Слово, 1991–1993. Т. 6 : На пороге Нового Завета: От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя. 622 с.
6. *Тантлевский И. Р.* Книги Еноха. М. ; Иерусалим : Мосты культуры ; Гешарим, 2000. 375 с.

G. V. Sinilo

Reception of the Book of Ecclesiastes in Hebrew Culture of the Second Temple Period

In this research paper investigates the reception of The Book of Ecclesiastes in Hebrew culture of the Second Temple period. We show the way of extension of the traditions of the “literature of wisdom” in The Book of the All-Virtuous Wisdom of Yeshua Ben Sira (Jesus the Son of Sirach) and in The Book of Wisdom (which are deuterocanonical in Christianity). Their authors follow The Book of Proverbs and Ecclesiastes, and it is Ecclesiastes that teach them to raise difficult controversial problems of being and mind. In doing so the nameless author of The Book of Wisdom also argues with the total skepticism of Ecclesiastes. The authors of the Dead Sea Scrolls (first of all Qumran Hymns) also turn to the motifs of Ecclesiastes, paradoxically asserting convergence of sorrow, suffering and joy connected with the hope for messianic transformation of the world. We approve that The Book of Ecclesiastes is the most significant intertext for all mentioned texts, and an archetext – meaning- and text-generating text – for The Wisdom of Sirach.

Key words: The Bible, The Book of Ecclesiastes, “literature of wisdom”, The Book of the All-Virtuous Wisdom of Yeshua Ben Sira (The Wisdom of Jesus the Son Sirach), The Book of Wisdom (The Wisdom of Solomon), The Dead Sea Scrolls, intertext, archetext.

Galina Veniaminovna Sinilo – Candidate of Philology, Professor of the Department of Cultural Studies of the Faculty of Social and Cultural Communications of the Belarusian State University.